Анна Ларен

Прежде чем коснуться

Анна Ларен
Прежде чем коснуться

https://litres.ru/74751723
SelfPub; 2026

Аннотация

Англия, XIX век. После смерти отца Кэтрин Уитфилд привыкла заботиться о матери и младшей сестре. Собственные желания всегда могли подождать — пока она не встретила Эдмунда Редклиффа.

Его суровое, некрасивое лицо хочется рассматривать. Негромкий голос — слышать снова. А случайное прикосновение его руки Кэтрин помнит с пугающей ясностью.

Эдмунд женат. Они оба знают, где проходит граница дозволенного, и всё чаще замечают, каких усилий стоит её соблюдать. За разговорами о старых письмах скрывается невысказанное признание; за сдержанностью — желание, которое уже невозможно считать мимолётным.

Прежде чем коснуться друг друга, им предстоит найти ответ на самый трудный вопрос: что делать с любовью, которой не должно было случиться?

Содержание

Глава 1 4
Беркшир, июнь 1860 года 4
Глава 2 13
Май 1862 года 13
Глава 3 23
Глава 4 32
Глава 5 44
Глава 6 54
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Анна Ларен
Прежде чем коснуться

Глава 1

Беркшир, июнь 1860 года

Кэтрин нашла материнскую брошь в корзинке с чулками, куда та, по её собственному уверению, никак не могла попасть, и вернулась в спальню как раз вовремя, чтобы помешать Розе вытащить из шляпки ещё один цветок.

– Теперь она похожа на клумбу, которую забыли полить, – сказала Роза, держа перед собой белую розочку с обтрепавшимся краем.

– Прежде она была похожа на клумбу, которую плохо пропололи. Оставь её в покое.

– Ты всё равно будешь недовольна.

– Я буду совершенно счастлива, если через пять минут мы сядем в экипаж.

Мать обернулась от зеркала. На ней было лиловое платье, которое Кэтрин любила и всегда немного боялась: стоило миссис Уитфилд поднять руки, как начинал расходиться старый шов под рукавом. Кэтрин ещё вчера укрепила его, но

сейчас всё-таки посмотрела.

– Ты проверяешь, не разваливаюсь ли я? – спросила мать.

– Проверяю, можно ли застегнуть брошь.

– Тогда подойди. И перестань хмуриться. Лидия пригласила нас обедать, а не потребовала отчёт о состоянии нашего белья.

Кэтрин улыбнулась и пристроила брошь у воротника. Волосы над материнским ухом были ещё тёмными, только у самого виска пробивалась седина. Она поправила выбившуюся прядь, потом убрала руки.

С тех пор как умер отец, ей всё время казалось, что в последнюю минуту непременно обнаружится что-нибудь необходимое: забытое лекарство, пропавшая вещь, письмо, на которое следовало ответить неделю назад. Она понимала, что сегодняшний обед вполне может состояться и без её бдительности. Понимание помогало не всегда.

Роза уже бежала вниз. Ей было семнадцать, и ещё недавно она с обидной лёгкостью умела быть готовой раньше всех, просто потому, что не замечала пятна на перчатке и не считала нужным отыскивать вторую ленту. Теперь она замечала гораздо больше, отчего сборы стали длиннее.

В экипаже мать спросила:

– Ты знала, что Чарльз будет у Лидии?

Кэтрин поправляла складку юбки и не сразу подняла голову.

– Нет. А он будет?

– Его мать говорила, что они получили приглашение.

Роза с преувеличенным вниманием посмотрела в окно.

– Хорошо, – сказала Кэтрин. – Мы давно не виделись.

Мать помолчала.

– Тебе незачем делать вид, будто тебе всё равно.

– Мне не всё равно. Я хочу, чтобы он был счастлив с мисс Эллиот.

– Он мог бы быть счастлив и с тобой, – негромко заметила Роза.

Кэтрин посмотрела на неё. Та сразу пожалела о своих словах; это было видно по тому, как она принялась разглаживать злосчастную розочку, которую всё-таки взяла с собой.

– Возможно, – ответила Кэтрин. – Но ему пришлось бы всю жизнь слушать рассказы о том, как в детстве он упал в наш пруд. Я знаю слишком много.

Роза засмеялась. Мать вздохнула, однако продолжать разговор не стала.

О браке Кэтрин и Чарльза Дэйна говорили так давно, что когда его мать сообщила о помолвке сына с другой, все почувствовали себя обманутыми. Все, кроме самой Кэтрин. Ей было двадцать два года, и к мысли о замужестве она относилась вполне серьёзно. Ей было неприятно видеть, как ловко миссис Дэйн обходится без слов, которые ещё недавно произносила с такой охотой. Но она не могла назвать это горем. Чарльз с детства был частью их дома; с ним можно было поссориться из-за собаки, попросить достать книгу с верхней

полки, рассказать что-нибудь смешное и совершенно не думать, как при этом выглядишь. Мысль о том, что однажды он будет её целовать, всегда оставалась где-то за пределами этих удобных отношений. Кэтрин почти не пробовала приблизить её к себе.

Миссис Лэнгли встретила их в передней сама, хотя в доме было уже немало гостей. Она поцеловала мать, внимательно оглядела обеих девушек и сообщила Розе, что её шляпка чрезвычайно хороша.

– Это потому, что вы не видели её утром, – сказала Роза.

– Утром и я выглядела хуже. Пойдёмте. Маргарет, твоя кузина Эстер приехала со всеми своими болями и обещала перечислить их после обеда. Я рассчитываю на твою помощь.

В гостиной пахло цветами и нагретой солнцем обивкой. Чарльз стоял возле окна рядом с молодой женщиной в голубом. Увидев Кэтрин, он улыбнулся с такой очевидной, почти детской надеждой, что она сама поспешила к нему.

– Наконец-то вы нас познакомите, – сказала она.

Мисс Эллиот оказалась миловидной, немного смущённой девушкой с тихим голосом. Она призналась, что Чарльз рассказывал о сёстрах Уитфилд.

– Надеюсь, без подробностей, – заметила Кэтрин.

– Только хорошее.

– Тогда он многое пропустил.

Чарльз рассмеялся и сразу заговорил свободнее. Через несколько минут мисс Эллиот уже спрашивала о Розе, а

Кэтрин подумала с облегчением, что теперь матери, вероятно, будет проще поверить ей.

Она отошла к столику с альбомами. На одном лежал рисунок старой церкви, и Кэтрин наклонилась, разглядывая башню: художник сделал её неправдоподобно стройной. Тут за её спиной произнесли:

– Если приход продолжит собирать деньги с такой скоростью, крышу придётся чинить над следующим поколением.

Голос был негромким, с чуть хрипловатым окончанием фразы. Кэтрин обернулась.

Высокий мужчина стоял возле кресла пожилого мистера Хейла. Его сюртук сидел безукоризненно, но сам он держался так, словно высота комнаты всё же была недостаточна: плечи немного поданы вперёд, голова слегка склонена к собеседнику. У него был крупный нос, отчётливо обозначенные скулы и широкий, плотно сомкнутый рот. Красивым это лицо Кэтрин не назвала бы. Она продолжала смотреть.

– Так вы считаете, что следует повысить взносы? – спросил мистер Хейл.

– Я считаю, что следует узнать, сколько стоит крыша. Пока вы собираете на нравственное удовлетворение жертвователей.

Старик возмущённо хмыкнул. Мужчина протянул руку за лежавшим на подлокотнике листком и, получив его, посмотрел на цифры. У него были очень длинные пальцы; суставы заметно выступали под светлой кожей. Кэтрин почему-то

увидела это яснее, чем узор на собственных перчатках.

– Здесь дважды посчитаны леса, – сказал он уже другим тоном. – Я завтра напишу вам. Не отдавайте пока деньги.

Кэтрин отвела глаза, когда он поднял голову. Ей стало неловко оттого, что она так откровенно рассматривала незнакомого человека. Она снова наклонилась над рисунком, но церковная башня перестала её занимать.

– Мистер Редклифф, – сказала подошедшая хозяйка. – Эдмунд, вы ведь помните мою кузину Маргарет? А это её старшая дочь, мисс Уитфилд.

Они обменялись поклонами. Теперь его глаза оказались совсем близко – светло-серые, внимательные, без малейшего желания облегчить ей знакомство улыбкой. Кэтрин неожиданно захотелось узнать, что могло бы его рассмешить.

Миссис Лэнгли позвали к другим гостям. Кэтрин ещё стояла возле альбома, когда к Эдмунду подошла женщина в платье тёплого розового оттенка.

– Вы уже взялись спасать приход, дорогой? – спросила она. – Я надеялась, что хотя бы сегодня вы отдохнёте.

– Я собирался всего лишь пообедать.

– Тогда у вас всё ещё есть надежда. Лидия сказала, что через четверть часа нас пригласят к столу.

Женщина улыбнулась Кэтрин. Миссис Лэнгли, обернувшись на ходу, успела представить её: миссис Редклифф.

Кэтрин поклонилась вторично. Она и прежде не строила никаких предположений, но известие о том, что это его жена,

придало короткому знакомству определённость, которая ей почему-то не понравилась.

За обедом их посадили далеко друг от друга. Мистер Редклифф мало говорил, зато Кэтрин несколько раз слышала голос его жены. Сесилия рассказывала о поездке к сестре, о какой-то испорченной шляпе и о старой тётке, которая не позволяла переставить в своей гостиной ни одного кресла. Последний рассказ был забавным. Кэтрин смеялась вместе со всеми и, подняв глаза, встретилась взглядом с её мужем.

Он смотрел на неё через стол.

Она улыбнулась ещё по инерции, сохраняя на лице весёлость, вызванную чужим рассказом. Он чуть склонил голову, словно отвечая на что-то сказанное ей одной, и отвёл глаза.

Кэтрин взяла стакан. Ей вдруг захотелось поправить волосы у виска, но она удержала руку на столе.

После обеда она помогала кузине Эстер отыскать шаль, слушала Розу, которая успела познакомиться с двумя девушками своего возраста, и ещё раз разговаривала с мисс Эллиот. Всё было обыкновенно. Только, когда мистер Редклифф оказался возле дверей, провожая какого-то пожилого гостя, Кэтрин снова отметила, как он немного склоняется, чтобы услышать собеседника. Ей показалось, что она узнала бы его теперь и со спины.

Домой они ехали в сумерках. Роза положила голову матери на плечо и немедленно задремала. Мать осторожно освободила край шали из-под её локтя.

– Ты хорошо провела день? – спросила она шёпотом.

– Да.

– Мисс Эллиот приятная девушка.

– Очень.

Мать погладила её по руке. Кэтрин поняла этот жест и чуть сжала её пальцы.

Она могла бы сейчас сказать, что ни разу не пожалела о Чарльзе. Вместо этого смотрела на тёмные кусты за окном и вспоминала другое лицо, которое не умела бы описать одним удачным словом. Ей хотелось ещё раз увидеть его рот в ту секунду, когда он почти улыбнулся.

* * *

Эдмунд вернул Сесилии упавшую с сиденья перчатку. Та закончила рассказывать о разговоре с миссис Хейл и спросила:

– Вы заметили, как держалась мисс Уитфилд с будущей женой Дэйна?

– Заметил.

– Бедняжка Маргарет была уверена, что всё решено. Я на её месте не смогла бы быть так любезна.

– Возможно, мисс Уитфилд не считает себя пострадавшей стороной.

Сесилия посмотрела на него с недоверием.

– Вы всегда полагаете, что люди поступают разумно.

– Отнюдь. Просто она не казалась огорчённой.

– У неё хорошее воспитание.

– Полагаю, это тоже возможно.

Сесилия удовлетворилась ответом и принялась снимать вторую перчатку.

Эдмунд помнил, как мисс Уитфилд наклонилась к голубому платью мисс Эллиот, чтобы лучше расслышать негромкий ответ. В её внимании не было ничего нарочитого. Потом она сказала что-то Дэйну, и тот рассмеялся с совершенно глупым облегчением.

Он, вероятно, тоже чувствовал бы облегчение, если бы эта девушка посмотрела на него с такой доброжелательной насмешкой.

Мысль была неожиданной. Эдмунд поправил лежавшую на колене трость и спросил Сесилию, во сколько она завтра собирается ехать к сестре.

Глава 2

Май 1862 года

– Если ты ещё раз спросишь, взяла ли я тёплую накидку, я покажу её тебе прямо здесь, – сказала мать. – Вместе со всем остальным содержимым саквояжа.

Кэтрин посмотрела на неё и рассмеялась.

– Простите. Я уже спрашивала?

– Дважды. В первый раз накидка лежала у меня на коленях.

Роза улыбалась в окно. На этот раз она не спала и, кажется, вообще не замечала дороги, хотя экипаж иногда ощутимо подбрасывало. Лицо у неё было такое, словно кто-то сообщил ей хорошую новость и запретил делиться ею с домашними.

Кэтрин знала причину. В письме миссис Лэнгли среди будущих гостей упоминался Артур Пембертон. Роза перечитывала это письмо с несвойственным ей интересом к чужому юбилею и даже сама напомнила, когда следовало ответить. До сих пор подобные обязанности охотно предоставлялись старшей сестре.

– Надеюсь, Лидия не устроила слишком большого собрания, – продолжала мать. – В её возрасте уже можно позво-

лить себе не праздновать день рождения.

– В её возрасте можно позволить себе праздновать его как угодно, – ответила Роза. – Мне кажется, пятьдесят лет – прекрасный повод.

– Вероятно. Особенно если это не твои пятьдесят лет.

Кэтрин положила руку на лежавший рядом дорожный мешок. В нём находилось платье, которое они с матерью несколько вечеров переделывали к поездке: убрали старую отделку, заменили ленты, поправили вырез. Когда оно было готово, Роза сказала, что в нём у Кэтрин особенно зелёные глаза. Та ответила, что глаза у неё останутся прежними, и сама рассердилась на ненужную строгость своего ответа.

Она знала, что Редклиффы приглашены.

За два года она несколько раз слышала их имя, однажды видела Сесилию издали на благотворительной продаже и получила от кузины Эстер обстоятельный рассказ о том, как мистер Редклифф испортил ей настроение замечанием насчёт её нового кучера. Кузина пересказывала его слова с возмущением; Кэтрин едва удержалась от улыбки. Того обеда она не забыла. Иногда, встретив очень высокого человека, невольно поднимала глаза, а потом удивлялась собственной поспешности.

Сейчас мысль о предстоящей встрече мешала ей спокойно сидеть. Это было глупо. Он мог вовсе её не помнить.

Дом миссис Лэнгли показался за поворотом, над широкой лужайкой. Вдоль стены цвела глициния; ветер шевелил

длинные кисти, и Роза потянулась к окну так, словно прежде их не видела.

– Сядь ровно, – начала Кэтрин и осеклась.

Мать посмотрела на неё с мягкой насмешкой.

– Очень хорошо. Ты уже успеваешь вовремя остановиться.

В передней было шумно. Кто-то только что приехал, возле лестницы стояли дорожные сундуки, лакей принимал шляпы, а миссис Лэнгли пыталась одновременно обнять кузину и объяснить слуге, что цветы следует поставить в прохладную комнату.

– Маргарет, как я рада! Роза, ты выросла ещё на дюйм. Кэтрин, помоги мне: скажи, что ты не считаешь меня безумной. Мне уже трижды дали понять, что я могла бы обойтись семейным ужином.

– Вы успели пригласить столько людей, что теперь они обязаны считать вас правой.

– Прекрасно. Именно это мне и требовалось услышать.

Хозяйка проводила их наверх. Кэтрин с матерью отвели большую спальню с двумя кроватями и низкой ширмой возле камина; Роза должна была делить комнату с племянницей хозяйки, Люси. Сестра ушла туда с таким поспешным счастьем, что мать покачала головой.

– Если к вечеру они успеют поссориться, я не удивлюсь.

– Они обе будут стараться быть любезными, – ответила Кэтрин. – Это может продлиться до завтра.

Мать села, вытянула ноги и позволила дочери снять с её плеч дорожную накидку. Потом поймала её за запястье.

– Теперь займись собой. Я в состоянии снять шляпку без посторонней помощи.

Кэтрин подчинилась, хотя сначала всё-таки придвинула к материнскому креслу маленький столик.

До обеда оставалось несколько часов. Они спустились выпить чаю, встретили знакомых, послушали оживлённый рассказ Люси о приготовлениях. Артур Пембертон оказался возле Розы с той естественностью, которую, вероятно, они оба заранее обдумывали. Он был светловолос, хорошо сложен и охотно смеялся. Кэтрин помнила его по нескольким недавним визитам: тогда он держался учтиво, но не слишком уверенно, особенно в присутствии собственной тётки.

Сейчас Роза рассказывала ему о дороге и бессовестно преувеличивала её ужасы. Артур слушал так, словно ни одно описание дорожной ямы ещё не доставляло ему подобного удовольствия.

Кэтрин поймала себя на том, что смотрит на них с улыбкой.

– Они милы, правда? – спросила сидевшая рядом Сесилия Редклифф.

Кэтрин не заметила, когда та подошла. На ней было лёгкое дневное платье, а в волосах – лента, цвет которой удивительно точно совпадал с оттенком маленького камня в серьгах.

– Они, во всяком случае, хорошо проводят время, – отве-

тила Кэтрин.

– В этом доме иначе невозможно. Лидия всегда знает, кого пригласить. Правда, Эдмунд убеждён, что она приглашает всех, а потом надеется на лучшее.

Сесилия рассмеялась. Кэтрин тоже улыбнулась.

– Ваш муж уже здесь?

Вопрос вырвался прежде, чем она успела подумать. Она наклонилась за чашкой.

– Да, но, кажется, мистер Хейл успел завладеть им ещё в передней. С тех пор я его не видела. Вы знакомы?

– Нас представляли друг другу у миссис Лэнгли. Два года назад.

– Тогда он может вас помнить. У него превосходная память на всё, кроме того, что мне хочется переставить в гостиной.

Сесилия заговорила о доме, и Кэтрин с благодарностью поддержала разговор. С этой женщиной было легко. Она умела заметить чужую новую отделку, похвалить её и не заставить при этом объяснять, сколько труда ушло на переделку старого платья. Кэтрин поняла, что ей нравится Сесилия, и от этого собственный вопрос стал ещё неприятнее.

Перед обедом мать долго решала, какие серьги надеть. Роза прибежала за помощью с застёжкой, потом вернулась за веером, который всё это время лежал у неё под шалью. Кэтрин успела заколоть волосы только после того, как обе были готовы. Она посмотрела в зеркало и поправила одну

прядь возле виска. Затем отошла, потому что иначе начала бы поправлять всё остальное.

Мистер Редклифф стоял у камина в гостиной.

Она узнала его прежде, чем увидела лицо: по росту и чуть наклонённой голове. Он слушал хозяина соседнего имения и держал в руке бокал, к которому, кажется, ещё не притронулся. У Кэтрин появилось странное ощущение, будто за эти два года она сделала ещё несколько шагов через ту прежнюю комнату и теперь оказалась ближе к нему.

Он посмотрел в её сторону.

Кэтрин уже не могла сделать вид, что смотрела на кого-то другого. Она поклонилась. Он ответил, и в его лице возникло узнавание – настолько явное, что ей пришлось опустить глаза, чтобы не улыбнуться слишком открыто.

Люси подхватила её под руку и принялась показывать старинную брошь, которую ей одолжила тётка. Кэтрин слушала, задавала вопросы и старалась не выяснять, где теперь стоит мистер Редклифф.

За столом он оказался через два места от неё, на противоположной стороне. Между ними стояла невысокая ваза с цветами. Когда сидевшая рядом с Кэтрин миссис Уоррен наклонялась к собеседнику, лицо Эдмунда становилось видно целиком.

Теперь она могла рассмотреть его без того оправдания, которое давало знакомство с человеком, впервые появившимся перед тобой. Черты были ей знакомы и всё же каза-

лись новыми. Складка у рта стала глубже. У виска обнаружилось несколько светлых волосков – или так падал свет. Серые глаза казались темнее, когда он опускал голову.

Он повернул бокал длинными пальцами, и Кэтрин вспомнила листок с расчётами на подлокотнике мистера Хейла. Удивительно, что память сохранила именно эту подробность.

– А вы как полагаете, мисс Уитфилд?

Она поспешно посмотрела на соседа.

Мистер Блейк ожидал ответа. Он был приятным молодым человеком и последние несколько минут рассуждал о моде на мемуары, откуда, по его мнению, можно было узнать всё, кроме правды.

– Полагаю, человек иногда очень точно описывает себя, когда собирается рассказать о других, – ответила Кэтрин.

– Вы хотите сказать, что мы все выдаём собственные недостатки?

– Иногда достоинства. Просто это труднее заметить.

– Каким образом?

Она объяснила на примере книги, которую недавно читала. Мистер Блейк оказался внимательным слушателем, хотя сначала словно ожидал удобного случая возразить. Кэтрин увлеклась разговором и лишь позже заметила, что Эдмунд смотрит на неё.

Он не улыбался. Она почувствовала на лице тепло и рассердилась на себя: в её словах не было ничего такого, отчего

следовало краснеть.

Между тем разговор за другим концом стола стал общим. Сесилия рассказывала, как муж отказался от приглашения на несколько дней к её родственникам, потому что не доверял управляющему завершить какие-то расчёты.

– На самом деле ему просто хотелось остаться в тишине, – сказала она. – Он убеждён, что дом, где больше четырёх человек, уже нуждается в надзоре.

– В вашем рассказе число гостей постоянно увеличивается, – заметил Эдмунд.

– Потому что вы каждый раз вспоминаете нового виновника своего несчастья. Вначале это был мой племянник, потом собака, потом кто-то переставил ваши бумаги.

Несколько человек засмеялись.

– Собака не трогала бумаги, – сказал он.

– Я знала, что вы её защитите. Она единственная не пыталась с вами разговаривать.

Смех стал громче. Кэтрин невольно улыбнулась, но, посмотрев на Эдмунда, увидела, как на мгновение напряглась его челюсть. Он поставил бокал и повернулся к мистеру Хейлу. Сесилия уже отвечала соседке и, по-видимому, ничего не заметила.

Кэтрин стало неловко за собственную улыбку.

Она не знала, насколько привычны между супругами такие шутки. Возможно, ему и в самом деле было всё равно. Только теперь он выглядел ещё более закрытым, а мистер

Хейл вынужден был дважды повторить вопрос.

После обеда гости переместились в гостиную. Кто-то сел за фортепьяно, молодые люди собрались возле Люси, мать удобно устроилась с хозяйкой. Роза бросила на Кэтрин быстрый взгляд и получила в ответ улыбку. Пока тревожиться было не о чем.

Эдмунд взял газету со столика и сел в стороне от остальных.

Кэтрин разговаривала с миссис Уоррен и видела его поверх её плеча. Он перелистнул страницу, потом вернулся к предыдущей. Лицо было неподвижно; только пальцы на краю бумаги иногда меняли положение.

Ей хотелось подойти. Она даже представила, как спросит его о том, что он читает, и сразу поняла, насколько неубедительно это прозвучит. У неё не было никакой причины оставлять собеседницу. Они с ним и сегодня ещё не обменялись ни словом.

Он поднял глаза.

На этот раз Кэтрин не успела отвернуться. Она смотрела прямо на него, и он понял это. Несколько мгновений между ними не было ни разговора миссис Уоррен, ни музыки; Кэтрин слышала их, но отвечала с запозданием.

Потом он сложил газету чуть ниже, освобождая лицо целиком.

– Вы не устали, дорогая? – спросила миссис Уоррен.

– Немного, – ответила Кэтрин.

Это было неправдой. Она чувствовала себя необыкновенно бодрой.

Глава 3

Эдмунд прочёл один и тот же абзац в третий раз и аккуратно перевернул страницу. Сведения, которые он только что пытался усвоить, не имели для него никакого значения. Он мог бы с тем же успехом держать газету вверх ногами, если бы не опасался доставить Сесилии слишком большое удовольствие.

Она смеялась возле фортепьяно. Её смех он узнавал даже в переполненной комнате: короткий вдох, затем несколько быстрых, звонких звуков. В первые годы брака этот смех помогал ему находить её среди гостей. Теперь обычно означал, что она хорошо проводит время и вмешиваться незачем.

Он не хотел сердиться из-за рассказа о собаке. В рассказе всё было почти правдой, включая бумаги, хотя Сесилия прекрасно знала, что речь шла о письме, которое потом искали больше часа. Ему не нравилось, когда его раздражение служило развлечением для общего собрания. Но объяснить это жене значило бы дать ей ещё одно подтверждение того, что он лишён чувства юмора.

Ничего нового не случилось. Он мог забыть об этом ещё за столом.

Мисс Уитфилд, однако, видела его лицо.

Эдмунд заметил, как исчезла её улыбка, и с тех пор никак не мог отделаться от досады. Он не нуждался в её сочув-

ствии. Вернее, не хотел нуждаться. Жалость была бы особенно некстати после того, как весь вечер он наблюдал за тем, как она поворачивается к собеседнику, как поднимает глаза, обдумав ответ, как едва заметно прикусывает нижнюю губу.

Последнюю подробность следовало забыть прежде всего.

Когда она вошла в гостиную, он узнал её сразу. Имя, голос хозяйки, две фигуры возле столика с альбомами – всё вернулось с такой лёгкостью, словно с того обеда прошло несколько недель. Он помнил тёмно-каштановые волосы, но не помнил, что они могут отдавать медью в тёплом свете. Помнил спокойный взгляд и обнаружил, что глаза у неё меняют цвет. За ужином они казались карими; возле окна, когда мисс Уитфилд слушала Люси, в них появилась зелень. Подвижные брови иногда придавали её мягкому лицу неожиданно упрямое выражение. Он замечал и это, и то, как она выпрямляет спину, увлекаясь разговором, как свободно движутся её плечи под светлой тканью платья.

Он успел заметить слишком многое для человека, который ни разу с ней не заговорил.

Разговор с Блейком она поддерживала без всякого труда. Блейк был молод, хорош собой и обладал полезной способностью считать каждую свою мысль достойной немедленного сообщения. Мисс Уитфилд слушала его и улыбалась. Эдмунд без особого удовольствия представил, как выглядел бы на его месте сам: задаёт вопрос, получает ответ, считает разговор законченным. Потом долго ищет, что ещё можно спро-

сить, не выставляя себя полным идиотом.

Он не страдал от подобных затруднений с людьми, которых знал. Мог спорить с Хейлом до хрипоты, смеяться над приятелем, сердиться, объяснять. Но для этого требовалась причина. У Блейка причиной, по-видимому, было одно присутствие молодой женщины. Эдмунд привык считать это разновидностью бесполезной суеты.

Теперь выяснялось, что суета обладает некоторыми преимуществами.

Мисс Уитфилд посмотрела на него поверх плеча соседки. Эдмунд опустил край газеты. Ему показалось, что она собирается улыбнуться, но выражение её лица изменилось раньше, чем он успел понять, чего ждёт. Он смотрел на её рот и неожиданно, с почти неприятной ясностью, представил его совсем близко.

Ткань на его колене чуть натянулась под ладонью. Он разжал пальцы и положил газету на стол.

– Вы закончили с ней или проиграли? – спросил подошедший мистер Хейл.

– С газетой?

– С ней самой. Вид у вас был такой, будто она вам возражала.

– Возможно, мне просто не понравились новости.

Старик сел рядом с осторожностью человека, который не доверяет низким креслам. Эдмунд придвинул к нему маленькую подушку.

– Вот за это спасибо. Я говорил Лидии, что кресла должны делать для тех, кому предстоит из них вставать.

– Вы говорили ей это, когда она их покупала?

– Тогда я сам вставал без затруднений. И всё-таки они красивые, правда?

Эдмунд посмотрел на резной подлокотник.

– Несомненно. Вы сможете оценить его ещё лучше, если останетесь здесь до утра.

Хейл рассмеялся и наклонился ближе.

– Вы не забыли о моём внуке?

– Я обещал поговорить с ним, когда он приедет. Он ещё не приехал.

– Его мать полагает, что можно было бы пока написать Харперу.

– Его мать хочет получить рекомендацию до разговора?

– Она хочет избавить мальчика от лишнего волнения.

Эдмунд посмотрел на старика. Тот выдержал его взгляд, потом вздохнул.

– Я знаю. Вы можете не объяснять.

– Пусть пришлёт мне письмо сам. Расскажет, что умеет и чего хочет. Тогда будет о чём говорить.

– Ему всего двадцать один.

– Тем более ему пора узнать собственный почерк.

Хейл покачал головой, но уже улыбался.

Эдмунд слушал рассказ о внуке и постепенно возвращался к привычному состоянию, в котором от него требовались

понятные действия. Выяснить, чего молодой человек стоит, при необходимости помочь, при необходимости отказать. Всё это было намного легче, чем догадаться, почему мисс Уитфилд посмотрела на него дважды и можно ли придавать этому хоть какое-нибудь значение.

Он прекрасно знал собственное лицо. Его никогда не считали красивым, и к тридцати четырём годам он давно перестал об этом думать. Сесилия, принимая его предложение восемь лет назад, наверняка учитывала совсем другие достоинства. Она и не скрывала, что рада спокойному, обеспеченному будущему, а её отец высказался ещё определённее. Эдмунду тогда казалось, что они разумно понимают друг друга.

Сейчас ему почему-то хотелось знать, способна ли мисс Уитфилд забыть о его состоянии хотя бы на четверть часа и всё-таки захотеть остаться рядом.

Вопрос был настолько неуместным, что он едва не пропустил очередную реплику Хейла.

– Простите, вы сказали – в среду?

– Во вторник. Но я вижу, что ваше внимание уже истощилось. Не буду злоупотреблять. Помогите мне выбраться отсюда, и я поищу Лидию.

Эдмунд подал ему руку. Поднимаясь, старик опёрся на неё сильнее, чем ожидал, и тот придержал кресло коленом. Мисс Уитфилд, стоявшая неподалёку, отступила, освобождая дорогу. На мгновение их разделяло совсем небольшое расстояние. Он мог бы сейчас что-нибудь сказать – о Хейле,

о музыке, о двух годах, прошедших со дня знакомства.

Хейл спросил, где оставил очки. Эдмунд вернулся к креслу. Когда выпрямился, мисс Уитфилд уже разговаривала с матерью.

Позднее гости начали расходиться. Эдмунд проводил Сесилию наверх и вошёл следом, чтобы взять оставленное перед обедом письмо. Горничная уже ждала возле туалетного столика.

– Вы надолго в библиотеку? – спросила жена.

– Не знаю. Хотелось кое-что дочитать.

– У вас и здесь нашлось дело?

– Книга – не дело.

– Тогда вы делаете успехи.

Она повернулась к зеркалу и сняла серьгу. Вторая застёжка не поддавалась. Эдмунд отложил письмо на комод.

– Дайте мне.

Сесилия чуть склонила голову. Он осторожно освободил застёжку и положил серьгу возле первой. Над ухом жены осталась розовая полоска от тяжести украшения.

– Вам не больно их носить?

– Иногда. Зато они хороши.

– Полагаю, это достаточная причина.

Она посмотрела на него через зеркало.

– Вы ведь даже не заметили их за обедом.

Эдмунд помолчал.

– Они вам идут.

– Теперь вы заметили.

В её голосе не было настоящей обиды, и всё же он почувствовал себя неловко. Хотел добавить что-нибудь, но горничная подошла помочь с платьем, Сесилия поднялась, и удобная минута исчезла.

– Лидия приготовила на завтра прогулку, – сказала она. – Если вы собираетесь отказаться, придумайте причину заранее. И постарайтесь, чтобы она отличалась от прошлой.

– Я не собирался отказываться.

– Тем лучше. Спокойной ночи, Эдмунд.

Он пожелал ей спокойной ночи и вышел с письмом в руке.

Коридор был пуст. Эдмунд постоял возле дверей, затем медленно пошёл к лестнице. Ему следовало чаще замечать её серьги. Это была вполне выполнимая обязанность, если помнить о ней. Почему-то именно эта мысль вызвала усталость.

В библиотеке горели две лампы. Одна стояла возле кресла, другая освещала большой стол, на котором лежали оставленные гостями книги. Эдмунд закрыл раскрытый том, предварительно вложив между страницами найденный рядом листок, и взял с полки роман.

На корешке значилось имя Джейн Остин.

Он сел так, чтобы свет падал через левое плечо, открыл «Мэнсфилд-парк» и неожиданно вспомнил, с каким выражением мисс Уитфилд объясняла Блейку своё мнение о мемуарах. Она слушала возражение, прикусив губу, а потом

улыбнулась, словно обнаружила в его словах что-то, что ей действительно понравилось.

Эдмунд провёл ладонью по лицу.

Он желал эту девушку. Такое простое признание самому себе оказалось неприятно действенным: все попытки считать своё внимание случайным потеряли смысл. Он представлял, как положил бы руку ей на талию, как почувствовал бы под пальцами движение дыхания. Ему хотелось, чтобы она посмотрела на него вблизи и осталась на месте.

Но это ещё не означало, что ей могло прийти в голову что-нибудь похожее.

Вполне возможно, она видела перед собой долговязого, угрюмого мужа приятной женщины. Отчего бы ей смотреть иначе? Он не сумел даже заговорить с ней, хотя имел для этого весь вечер.

Эдмунд открыл книгу на первой странице и заставил себя прочесть несколько абзацев. Постепенно знакомый голос автора помог ему отстраниться от собственных мыслей. Он давно любил эту книгу, особенно те места, где люди с полной уверенностью объясняли чужие намерения и при этом удивительно мало понимали свои. Обсуждать подобное с Хейлом он не собирался; тот немедленно потребовал бы приложить выводы к его внуку.

Он прочёл несколько глав. В доме стало тихо, потом внизу хлопнула дверь, послышались последние шаги. Часы на каминной полке пробили полночь.

Эдмунд собирался закрыть книгу, когда услышал быстрый, неровный стук каблуков. Шаги приблизились, затихли и снова прозвучали – уже в другую сторону.

Он поднялся. Кто-то явно не мог найти дорогу.

Глава 4

Кэтрин проснулась от тихого звука и несколько мгновений пыталась понять, где находится. Над нею темнел незнакомый полог, в камине едва светились угли. Потом звук повторился, и она села.

– Мама?

– Прости, дорогая. Я не хотела тебя будить.

Мать сидела на краю своей кровати, держась за живот. Даже в слабом свете было видно, что она очень бледна.

Кэтрин уже стояла рядом.

– Вам больно?

– Немного. Должно быть, я съела что-то неподходящее. Сначала думала, пройдёт.

– Как давно?

– Не знаю. С полчаса, может быть.

Кэтрин помогла ей лечь, поправила подушку и взяла со столика воду. Материнская рука дрожала так, что ей пришлось придержать стакан. Это испугало сильнее самой бледности.

– Я позову кого-нибудь.

– Не поднимай весь дом. Мне уже немного лучше.

Но едва Кэтрин отошла к звонку, как мать снова застонала. Она дёрнула шнур, прислушалась и оглянулась на кровать. Мать лежала неподвижно, с закрытыми глазами.

– Мама?

– Я слышу тебя, Кэтрин.

Она подошла, коснулась её лба, потом принялась искать халат. Пальцы не попадали в пояс. Не следовало ждать, пока сюда доберётся сонная горничная: нужно было сразу объяснить, что нужен врач. Где-то рядом находилась комната Розы, но Роза знала о доме не больше неё. Хозяйка вечером проходила в другую сторону, за лестницу. Или туда уходила миссис Уоррен?

– Я сейчас вернусь, – сказала Кэтрин. – Я только найду кого-нибудь.

В коридоре горела одна лампа. Кэтрин закрыла за собой дверь и быстро пошла к повороту, за которым, как ей помнилось, начиналась лестница. Там обнаружилась маленькая площадка с тремя одинаковыми дверями. Она остановилась.

Куда они шли днём? Вслед за хозяйкой она рассматривала рисунки на стене и слушала Розу. Сейчас картинки исчезли в темноте. Кэтрин повернула обратно, увидела ещё один проход и пошла по нему, почти уверенная, что узнаёт узкий столик под зеркалом.

За спиной осталась мать.

Эта мысль заставила её прибавить шаг. Следовало вернуться и ещё раз позвонить. Но тогда пришлось бы снова ждать. Почему здесь никто не ходит? Она знала, что вопрос нелеп: дом спал. И всё же тишина казалась почти враждебной.

Из боковой двери вышел мужчина с подсвечником.

Кэтрин остановилась так резко, что рукав халата задел стену.

– Мисс Уитфилд?

Она сразу узнала голос и почувствовала такое облегчение, что не смогла произнести приготовленных слов.

– Моя мать… Ей нехорошо. Я хотела найти…

– Что с ней?

Мистер Редклифф стоял неподвижно, держа свечу чуть в стороне, чтобы свет не бил ей в глаза. На нём всё ещё были сюртук и жилет. Один угол воротничка немного загнулся.

– У неё боли. И она очень бледная. Я позвонила, но потом решила, что нужно сразу сказать… Простите, я не знаю, где здесь спят слуги.

– Где ваша комната?

Она начала объяснять и поняла, что сама не уверена.

– Возле лестницы. Там ещё портрет женщины с собакой. На двери напротив маленькая трещина в дереве…

Он кивнул, словно это было вполне понятное описание.

– Я знаю. Мы сейчас пойдём туда. Сколько времени ей дурно?

Отвечать на короткие вопросы было легче. Кэтрин сказала всё, что знала, и вдруг обнаружила, что идёт за ним в противоположную сторону. Возле поворота он остановился.

– Здесь ступенька. Дайте мне руку.

Она не посмотрела вниз. Положила ладонь в его ладонь

и шагнула туда, куда он указал. Его пальцы сомкнулись вокруг её руки – уверенно, без торопливости. Свет качнулся, и на мгновение Кэтрин увидела тёмный рукав у самого своего плеча.

Потом он отпустил её.

Возле комнаты уже стояла горничная. Та успела принести свежую воду и собиралась идти за экономкой. Мать, увидев Кэтрин, попыталась улыбнуться.

– Вот видишь, дорогая. Тебе незачем было бегать.

Кэтрин опустилась возле кровати. Материнская улыбка казалась ей усилием, сделанным ради неё, и от этого легче не стало.

– Я распоряжусь, чтобы послали за доктором, – сказал Эдмунд от дверей. – Миссис Уитфилд, вы позволите?

– Раз уж я всех разбудила…

– Вы никого не будили. По крайней мере, меня. Я ещё читал.

Он произнёс это так буднично, что мать на мгновение открыла глаза шире.

– Спасибо, мистер Редклифф.

Он вышел вместе с горничной. Кэтрин услышала несколько негромких распоряжений и торопливый ответ. Через некоторое время появилась миссис Лэнгли в большом халате, с наспех собранными волосами. Ещё позже пришла экономка, и комната перестала быть тем страшным, отдельным местом, в котором они с матерью оставались вдвоём.

Кэтрин нашла чистый платок, помогла матери устроиться удобнее, убрала с пола упавшую туфлю. Руки снова слушались. Она отвечала на вопросы хозяйки спокойно и даже объяснила, что мать уже чувствовала себя усталой перед сном, но жаловаться не хотела.

– Я думала, это дорога, – сказала она.

– Возможно, и дорога тоже, – ответила миссис Лэнгли. – Не будем пока гадать.

Потом мать попросила воды, а когда снова закрыла глаза, Кэтрин вышла за ширму. Там стоял стул с её аккуратно сложенным платьем. На спинке висела лента, которую она так долго выбирала перед обедом. Кэтрин смотрела на неё и никак не могла понять, почему эта лента всё ещё существует, хотя вечер остался где-то далеко и сейчас совершенно не имел значения.

– Кэтрин, – позвала мать.

Она тотчас вернулась.

– Я здесь.

– Не стой всё время. Ты совсем замёрзла.

Кэтрин села. Халат действительно почти не грел; ноги под тонкой ночной рубашкой были холодными. Она подтянула к себе край покрывала, но потом отпустила – мать снова пошевелилась.

Ждать оказалось труднее, чем бежать по коридору. Каждый звук снаружи заставлял её поднимать голову. Однажды она была совершенно уверена, что слышит экипаж, но внизу

только открыли дверь.

Миссис Лэнгли вышла на несколько минут. Кэтрин проводила её до порога и увидела Эдмунда возле окна. Он разговаривал с человеком в накинутом поверх рубахи пальто. Когда тот ушёл, хозяйка спросила о докторе.

– Уже послали. Мерсер обычно у себя. Если он не уехал к кому-нибудь из больных, ждать осталось недолго.

Миссис Лэнгли благодарно коснулась его рукава и направилась к лестнице: ей требовалось поговорить с экономкой. Кэтрин осталась в дверях.

– Она очень бледная, – сказала она.

Эдмунд повернулся к ней всем корпусом.

– Я видел.

Ей почему-то стало легче от того, что он не стал немедленно возражать.

– Сначала мне показалось… Я не могу понять, насколько это опасно.

– Я тоже не могу. Для этого едет врач.

Кэтрин кивнула. Её пальцы вцепились в край рукава. Она заметила это и разжала их.

– Когда умер отец, мы до последнего думали, что он поправится, – произнесла она негромко. – Даже в тот день. Простите. Это здесь ни при чём.

Эдмунд ничего не сказал сразу. Из комнаты донёсся голос матери: она спрашивала горничную о времени.

– Вам страшно, – сказал он наконец. – В этом нет ничего

удивительного.

У Кэтрин дрогнул рот. Она поспешно отвернулась, сердясь на собственные глаза.

– Я вполне могу с собой справиться.

– Я заметил. Вы всё время что-нибудь делаете. Но сейчас вы уже сделали то, что требовалось.

Она посмотрела на него. В лице не было ни жалости, ни терпеливой снисходительности. Он просто стоял рядом и говорил с ней так, словно её страх не делал её нелепой.

Кэтрин хотела поблагодарить, но внизу послышались голоса. Эдмунд поднял голову, прислушался.

– Кажется, доктор.

Она сразу отошла к матери.

Мерсер оказался невысоким мужчиной с покрасневшими от ночного воздуха щеками. Он снял пальто, вымыл руки и попросил миссис Лэнгли немного отодвинуть лампу. Кэтрин отвечала, когда обращались к ней, и пыталась не смотреть на него каждую секунду, ожидая приговора.

Мать наконец перестала стараться выглядеть бодрее. Жалобы, которые она сообщала врачу, были подробнее всего, что до этого услышала дочь. Кэтрин стало обидно; затем она поняла, что обида сейчас совсем некстати.

После осмотра доктор сказал, что по нынешнему состоянию не видит признаков непосредственной опасности. Похоже на сильное желудочное расстройство; до утра следует дать больной покой, а утром он приедет снова. На вопрос о

причине ответил, что сперва предпочёл бы убедиться в улучшении.

– Вы слышали? – сказала мать дочери, когда он отошёл к столику. – Я же говорила.

Кэтрин кивнула, но облегчение пришло не сразу. Ей понадобилось ещё несколько минут: увидеть, как мать удобнее устроилась на подушках, как спокойно отвечает хозяйке, как отпускает край простыни, который всё это время держала в руке.

Мерсер дал распоряжения экономке. Горничная осталась посидеть с больной. Миссис Лэнгли убедила Кэтрин хотя бы ненадолго лечь, и лишь после этого позволила себе уйти.

У дверей Кэтрин снова увидела Эдмунда.

– Доктор сказал, что…

– Я слышал.

Она почувствовала, как неудобно стоит: слишком близко к дверному косяку, одной рукой придерживает пояс, другая повисла вдоль тела. Теперь можно было заметить и халат, и волосы, собранные наспех, и то, что она разговаривает с почти чужим мужчиной глубокой ночью.

– Спасибо вам, – сказала Кэтрин. – Я даже не знаю…

– Ложитесь. Завтра вам будет легче поблагодарить меня, если это всё ещё покажется необходимым.

На этот раз она улыбнулась.

– Покажется.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем требовал ответ.

– Тогда до завтра, мисс Уитфилд.

– Спокойной ночи.

Кэтрин закрыла дверь. Мать почти спала. Горничная тихо передвигала вещи на столике, устраивая всё так, чтобы не шуметь, если понадобится вода.

Кэтрин села на свою кровать и только теперь обнаружила, что дрожит. Она стянула туфли, забралась под одеяло и некоторое время лежала с открытыми глазами. Потом осторожно провела большим пальцем по ладони – по тому месту, где её держала его рука.

Это движение она заметила сразу и остановила.

За ширмой мать глубоко вздохнула и поправила подушку. Кэтрин повернулась на звук. Только убедившись, что та снова спокойно дышит, позволила себе закрыть глаза.

* * *

Эдмунд проводил Мерсера вниз. Доктор не скрывал недовольства, когда хозяин одной из ближайших комнат, проснувшийся от шума, попытался узнать диагноз прямо на лестнице. Эдмунд помог ему закончить разговор и подал пальто.

– Вы тоже не ложились? – спросил Мерсер.

– Читал.

– Теперь ложитесь. Ничего полезного к утру вы уже не прочтёте.

Это было разумно. Эдмунд вернулся в библиотеку за книгой, собираясь немедленно последовать совету, но возле

кресла остановился.

Он помнил, как ладонь Кэтрин легла в его руку. Она шла за ним без колебаний и отпустила пальцы только тогда, когда он сам ослабил хватку. В тот момент это почти не ощущалось; он смотрел на ступеньку и старался держать свечу ровно. Теперь прикосновение возвращалось с нелепой отчётливостью.

Ему хотелось снова взять её руку.

После слов об отце у неё изменилось лицо. Он увидел, сколько усилий стоит ей сдерживаться, и с трудом удержался от простого движения – коснуться плеча, поддержать. Хорошо, что удержался. Она была напугана и благодарна ему; придавать этому чужой смысл было бы непростительно удобно.

Эдмунд закрыл книгу, всё ещё держа палец между страницами. Постоял, глядя на лампу, потом вынул палец и вернул том на полку. Место, на котором остановился, он так и не отметил.

Глава 5

Утром мать первой попросила чаю и сообщила, что ужасно хочет вымыть лицо. Кэтрин, дремавшая после ухода горничной, вскочила с кровати так поспешно, что запуталась в одеяле.

– Осторожнее, – сказала мать. – Если ты упадёшь, нам придётся снова звать доктора.

Голос звучал слабо, но в нём уже появилось обычное нетерпение к собственному нездоровью. Кэтрин помогла ей сесть и некоторое время смотрела, как она пьёт. Мать выдержала это молча, потом опустила чашку.

– Ты можешь отвернуться. Я умею глотать без надзора.

– Я знаю.

– Тогда почему у тебя такое лицо?

Кэтрин рассмеялась, хотя глаза вдруг защипало.

– Не знаю. Должно быть, не выспалась.

Мать протянула ей руку.

– Подойди.

Кэтрин села на край кровати и позволила обнять себя за плечи. Мать пахла своим мылом и свежей наволочкой. Она погладила дочь по спине, потом осторожно отодвинула.

– Теперь мы обе умываемся. Я не желаю пугать Мерсера одним своим видом.

Доктор приехал вскоре после девяти и остался доволен

улучшением. Миссис Лэнгли вошла вслед за ним с обещанием лёгкого завтрака; за хозяйкой просочилась встревоженная Роза. Ей рассказали о случившемся только утром.

– Почему ты меня не разбудила? – спросила она Кэтрин, когда доктор ушёл.

– Ты ничем не могла помочь.

Роза посмотрела на неё, и Кэтрин поняла, как прозвучал ответ.

– Я хотела сказать – я уже нашла помощь. А потом всё было занято врачом. Прости. Мне следовало прийти к тебе.

– Я тоже могла бы посидеть возле мамы.

– Знаю.

Сестра ещё немного помолчала, потом села к матери и принялась рассказывать, как Люси во сне разговаривала с кем-то из собственных родственников и очень сердито требовала вернуть ей шляпу. Мать улыбалась. Кэтрин убрала ночные вещи за ширму, поправила волосы и вдруг почувствовала голод.

– Иди завтракать, – сказала Роза. – Я останусь.

Кэтрин хотела спросить, уверена ли она, но встретила её взгляд и вовремя кивнула.

В коридоре было светло. Окно в дальнем конце открыли, и оттуда тянуло влажной зеленью. Ночная путаница теперь казалась почти необъяснимой: до лестницы было несколько шагов, узкий столик стоял на своём месте, на стене висел портрет, который Кэтрин днём прекрасно помнила. Она

остановилась возле той ступеньки, где Эдмунд взял её за руку.

Ступенька была совсем невысокой.

– Как вы спали, мисс Уитфилд?

Кэтрин обернулась.

Он вышел из комнаты у лестницы, держа несколько листков. На нём был тёмный утренний сюртук; волосы возле виска ещё не совсем улеглись. При дневном свете лицо казалось более усталым. Она почему-то обрадовалась этой усталости: стало ясно, что ночь была общей, что он тоже её помнит.

– Немного, – ответила она. – Но мама гораздо лучше. Доктор уже приходил.

– Мне сказали. Я рад.

Он посмотрел на неё внимательно, и Кэтрин ощутила, насколько бледной должна казаться сама.

– Я хотела вас поблагодарить.

– Вы предупреждали.

Она улыбнулась.

– Да. Теперь я могу сделать это связнее. Вы очень нам помогли.

– Вы нашли бы слуг и без меня.

– Нашла бы. Но гораздо дольше боялась бы.

Он опустил глаза на листки. Слова, по-видимому, оказались для него менее удобными, чем обыкновенная благодарность.

Кэтрин заметила небольшое чернильное пятно у основа-

ния его большого пальца. На удивление, именно оно сделало руку особенно привлекательной: перед ней был человек, который с утра уже успел что-то написать, коснуться бумаги, забыть смыть след. Она представила, как её собственные пальцы легли бы поверх этого пятна, и поспешно посмотрела ему в лицо.

– Вы уже завтракали? – спросил он.

– Ещё нет.

– Тогда я задерживаю вас в самом неподходящем месте. Здесь невозможно получить даже сухарь.

Он отступил к стене, пропуская её. Кэтрин сделала шаг и остановилась.

– А вы? Вы ведь тоже почти не спали.

– Мне легче. Я не пытался смотреть на больного человека и угадывать каждую перемену в его лице.

Ей стало неловко оттого, насколько точно он это заметил.

– Я, наверное, выглядела очень испуганной.

– Вы были испуганы.

– И наговорила лишнего.

– Не помню ничего лишнего.

Он произнёс это без особой мягкости, и Кэтрин поверила. Воспоминание об отце, так неожиданно вырвавшееся ночью, перестало казаться неуместной откровенностью, которую теперь необходимо исправить.

Они вместе спустились на несколько ступеней. Между ними оставалось достаточно места; Кэтрин держалась за пери-

ла и всё равно отчётливо ощущала его рядом. Когда он поворачивал голову, ей приходилось немного поднимать лицо, чтобы встретить взгляд.

– Вы говорили ночью, что читали, – произнесла она. – Вы всегда так поздно ложитесь?

– Когда книга оказывается интереснее сна.

– Это опасный способ выбирать время для чтения.

– К счастью, он не всегда действует.

Они остановились на нижней площадке. Кэтрин могла уже повернуть к столовой, но вместо этого спросила:

– А что вы читали?

На его лице появилось выражение, которое заставило её насторожиться.

– Простите. Я не хотела быть назойливой.

– Вопрос вполне естественный. Я просто не привык отчитываться о романах перед завтраком.

– О романах?

– «Мэнсфилд-парк».

Кэтрин неожиданно улыбнулась так широко, что он приподнял бровь.

– Это вас развеселило?

– Нет. Мне приятно. Я люблю эту книгу.

– Тогда мне повезло. Если бы вы её терпеть не могли, пришлось бы искать другое объяснение ночному бодрствованию.

– Вам действительно нужно объяснять, что вам нравится?

Он посмотрел на неё и немного помедлил с ответом.

– Обычно нет. Но люди иногда удивляются.

– Вероятно, потому, что сами вас недостаточно знают.

Сказав это, Кэтрин почувствовала, насколько легко её слова можно принять за обещание узнать лучше. Она отвернулась к окну, возле которого на маленьком столике стояла ваза с ветками сирени.

– Я сама удивилась, – добавила она честно. – Не думала, что вы читаете романы.

– Вот видите.

В его голосе появилась насмешка, но Кэтрин уже не испугалась её.

– Зато теперь знаю, что ошиблась.

Эдмунд впервые улыбнулся ей по-настоящему. У него изменился рот, смягчились складки возле глаз, и лицо стало таким, что Кэтрин захотелось рассмотреть его ещё внимательнее. Она совершенно забыла придуманный вопрос о книге.

Несколько мгновений он тоже молчал.

Потом сверху послышался голос Сесилии:

– Эдмунд, вы не видели миссис Лэнгли?

Кэтрин сразу отошла на полшага, хотя прежде между ними и так было достаточно места.

Сесилия спускалась, придерживая юбку. Увидев Кэтрин, она остановилась и спросила о матери так участливо, что та почувствовала жгучий стыд за своё недавнее счастье.

– Мне рассказали только утром. Какой ужас для вас обе-

их! Надеюсь, теперь всё хорошо?

Кэтрин ответила, что доктор доволен. Сесилия сказала, что передаст своей горничной просьбу помочь, если что-нибудь понадобится, и предложила прислать матери книгу.

– Я привезла несколько, но вряд ли успею их открыть. Сама не знаю, зачем всё время беру с собой.

– Мама будет очень благодарна.

– Тогда я попозже зайду. Эдмунд, вы слышали, Лидия перенесла прогулку на послеобеденное время? Она надеется, что ваша матушка сможет пока отдохнуть, мисс Уитфилд. А вы, пожалуй, составите нам компанию.

Кэтрин сказала, что пока не знает. Её ответ получился суше, чем следовало. Сесилия, к счастью, этого не заметила: из гостиной вышла хозяйка, и они сразу заговорили о другом.

Эдмунд слегка поклонился Кэтрин и ушёл с письмами в сторону библиотеки.

Она проводила его взглядом только до поворота. Потом вошла в столовую, выбрала место возле окна и поняла, что голод пропал. Пришлось заставить себя съесть хотя бы хлеб и яйцо, потому что иначе мать непременно заметила бы и начала тревожиться в свою очередь.

Наверху Роза уже успела развеселить больную и теперь с явной неохотой отказывалась от приглашения Люси выйти в сад. Кэтрин отпустила её. Мать посмотрела вслед младшей дочери и сказала:

– У неё есть причина так торопиться?

– В саду будут остальные гости.

– Я не о количестве гостей, дорогая.

Кэтрин подняла глаза.

– Ты думаешь, я ничего не замечаю, когда лежу? Артур Пембертон очень приятный молодой человек.

– Они пока просто охотно разговаривают.

– Это довольно хорошее начало.

– Разумеется.

Мать улыбнулась, откинулась на подушки и закрыла глаза. Через некоторое время попросила Кэтрин тоже отдохнуть.

Та взяла принесённое рукоделие, но быстро обнаружила, что уже второй раз распарывает один и тот же стежок. Сирень за окном пахла сильнее, чем внизу, или ей только казалось. В комнате было тепло. Она вспоминала утреннюю улыбку Эдмунда и одновременно видела Сесилию на лестнице – доброжелательную, совсем не подозревающую, что её появление могло кому-то помешать.

Кэтрин положила шитьё.

Она не желала этой женщине ничего дурного. Напротив, ей хотелось быть с ней любезной и искренне благодарить за участие. Но если бы Сесилия задержалась наверху ещё на несколько минут, Кэтрин была бы рада.

Эта простая мысль оказалась мучительнее всех прежних смутных ощущений.

После полудня мать заснула. Пришла горничная, чтобы посидеть возле неё, и Кэтрин наконец позволила себе выйти.

Внизу собирались гости, спорили о погоде; ей предложили ехать со всеми. Она отказалась, объяснив, что предпочитает остаться поблизости от матери, и пошла в библиотеку.

Здесь никого не было.

Кэтрин остановилась возле стола. На кресле лежала маленькая подушка, возле ножки стояла скамеечка для ног. Лампы уже убрали. При дневном свете комната казалась просторной, вполне обыкновенной; трудно было представить его ночью в этом кресле, сосредоточенного на книге, пока она спала этажом выше.

Ей всё-таки удалось представить.

Она медленно подошла к полкам. «Мэнсфилд-парк» нашёлся почти сразу. Кэтрин вынула том и открыла его, но вместо строк увидела длинные пальцы на переплёте. Она знала теперь, какими они были на ощупь. Знала лишь отчасти – это уточнение возникло само и заставило её сильнее сжать книгу.

Если бы он взял её руку без всякой необходимости, просто потому, что хотел…

Кэтрин закрыла том. От прикосновения она мысленно перешла к его лицу, склонившемуся ближе, к губам, которых никогда не видела так близко, как уже умела вообразить. Ей стало жарко под воротом платья. Она подняла ладонь к щеке и постояла, пока смущение немного не прошло.

Затем вернула книгу на полку.

У матери снова открылись глаза. Услышав шаги, она по-

вернула голову.

– Ты нашла что-нибудь почитать?

– Пока нет.

– Возьми мою книгу. Она в саквояже, под накидкой.

Кэтрин посмотрела на неё и неожиданно рассмеялась.

– Под той самой, о которой я вас всё время спрашивала?

– Именно. Всё-таки полезно знать, где она лежит.

Кэтрин достала книгу, придвинула кресло к окну и села так, чтобы мать, проснувшись, сразу её увидела. Первую страницу пришлось прочесть дважды. На второй она наконец сумела удержать внимание.

Глава 6

К отъезду мать настолько оправилась, что успела поссориться с дочерью из-за дорожной подушки. Она не желала везти её на коленях, поскольку прекрасно помнила, как в прошлый раз подушка выскользнула в самый неподходящий момент и ударила кучера по спине.

– Это было одеяло, – сказала Кэтрин.

– Тем хуже. Значит, у тебя уже был опыт.

Роза держала подушку и переводила взгляд с одной на другую.

– Я возьму её себе. Тогда вы сможете обе считать, что победили.

Мать рассмеялась. Кэтрин уступила, хотя подушку всё-таки устроила так, чтобы при необходимости легко достать.

Они оставались у миссис Лэнгли ещё два дня. Мать много отдыхала, к вечеру спускалась в гостиную, и окружающие почти перестали спрашивать о её здоровье. Кэтрин несколько раз видела Эдмунда: за обедом, на террасе, однажды в передней, где он объяснял лакею, какое письмо следует отправить немедленно. Они обменивались короткими репликами. Он спрашивал о матери, она отвечала, и каждый раз Кэтрин придумывала, что могла бы добавить, уже после того, как разговор заканчивался.

Сесилия действительно прислала две книги. Одну мать

прочла почти целиком и теперь собиралась просить разрешения взять с собой. Кэтрин пошла поблагодарить её за это и неожиданно получила в подарок маленький свёрток сушёной лаванды.

– Я всегда беру её в дорогу, – сказала Сесилия. – Положите в вещи. После чужих комнат приятно, когда хоть что-нибудь пахнет знакомо.

Кэтрин держала свёрток в ладони и чувствовала себя виноватой без всякого видимого повода.

– Вы очень добры.

– За лаванду? Её у меня дома столько, что вы можете считать это попыткой избавиться от излишков.

Она улыбнулась, и Кэтрин улыбнулась в ответ. Ей хотелось, чтобы эта лёгкость сохранилась, чтобы не приходилось каждое доброе слово слышать с неприятной внутренней оговоркой.

Прощались в передней. Миссис Лэнгли говорила матери, что та непременно должна написать на следующий день, Роза торопливо договаривалась о чём-то с Люси. Артур стоял рядом и держал её шаль. Кэтрин взяла у горничной перчатки, подняла голову и увидела Эдмунда возле дверей.

– Надеюсь, дорога будет спокойной, – сказал он.

– Теперь я знаю, что делать, если она окажется неспокойной. Нужно найти человека, который ещё не лёг спать.

Он улыбнулся.

– Днём это проще.

Кэтрин затягивала перчатку на пальцах и никак не могла ровно уложить край.

– Спасибо вам ещё раз.

– Передайте вашей матушке мои пожелания.

Мать стояла в нескольких шагах. Он сам повернулся к ней, сказал что-то, помог хозяйке придержать дверь. Разговор закончился так естественно, что Кэтрин не успела огорчиться; огорчение пришло позже, когда экипаж уже ехал по аллее.

Ей хотелось оглянуться. Она посмотрела на мать, на Розу с подушкой и только после этого позволила себе повернуть голову к окну. Передняя дверь уже закрылась.

Дома их встретила миссис Хопкинс с подробным отчётом о том, что случилось за время отсутствия. Ничего особенно страшного не произошло, однако кухарка умела сообщать о сломавшейся защёлке так, словно разумное устройство мира зависело от своевременного вмешательства хозяев.

Кэтрин выслушала её, спросила о почте и отнесла матери чай. Потом обнаружилось, что Роза не знает, в какой сундук положили её домашнее платье, а на письменном столе лежит счёт, который следовало проверить ещё перед поездкой.

За час она успела почувствовать, что никуда не уезжала.

Комнаты пахли закрытым домом, знакомой мебелью, чуть отсыревшей бумагой. В гостиной возле окна стояло отцовское кресло. Никто давно не обходил его стороной и не старался оставить пустым; мать садилась туда с шитьём, Ро-

за иногда складывала на сиденье вещи. Кэтрин любила эту обычность. Первое время после смерти отца каждое сдвинутое кресло казалось ей почти изменой, а потом оказалось, что память вполне выдерживает перестановку мебели.

Она открыла окно. Из сада донёсся запах нагретой земли, и в комнату сразу залетела муха. Кэтрин попыталась выгнать её платком, не смогла, рассмеялась и оставила в покое.

– Я слышала, как ты разговариваешь сама с собой, – сказала вошедшая Роза.

– С мухой. Она оказалась упрямее.

– Это многое о ней говорит.

Роза села на подлокотник отцовского кресла. Её светлые волосы растрепались после дороги; она выглядела моложе, чем за обедом у миссис Лэнгли, и Кэтрин едва удержалась от желания поправить ей воротник.

– Тебе понравилось гостить у Люси?

– Очень. Она приглашает приехать летом.

– Надолго?

– Ещё не знаю. Мы только говорили.

Кэтрин кивнула, но Роза уже насторожилась.

– Ты не хочешь, чтобы я ехала?

– Я пока ничего об этом не думаю. Я спросила, на сколько дней тебя приглашают.

– Ты спросила таким голосом.

Кэтрин посмотрела на неё и вздохнула.

– Вероятно, я ещё не успела перестать считать вещи после

дороги. Прости. Если тебя приглашают, разумеется, мы обсудим поездку.

Роза немного расслабилась, потом встала и подошла к окну. Провела пальцем по подоконнику, заметила пыль и вытерла руку о платок.

– Артур тоже будет летом у тётки, – сказала она, глядя в сад.

– У своей?

– Да. Она живёт совсем недалеко от миссис Лэнгли.

Кэтрин ответила что-то о хорошей погоде, но сестра уже ушла. На сиденье кресла осталась лежать маленькая перчатка. Кэтрин взяла её, отнесла к Розе и оставила на комоде, не добавив ни слова.

Вечером она разбирала письма. Одно было от Чарльза Дэйна: он с женой на несколько дней приехал к родителям, узнал, что Уитфилды гостят у Лидии, и надеялся увидеться после их возвращения. На следующий день Кэтрин ответила приглашением.

Чарльз появился вместе с Элис после полудня. Он по-прежнему слишком быстро открывал калитку, отчего та ударялась о куст, и по-прежнему входил в дом с выражением человека, которому не нужно вспоминать дорогу. Только теперь сначала пропустил жену и задержался, пока та снимала перчатки.

Кэтрин заметила это с удовольствием.

Мать встретила гостей любезно, хотя в первые минуты

была несколько торжественнее обычного. Роза немедленно спросила Чарльза, сколько времени ему потребовалось, чтобы забыть обещание починить садовую скамью.

– Я собирался приехать осенью.

– Какой именно?

– Боюсь, здесь потребуется точное указание года, – заметила Элис.

Чарльз рассмеялся и сказал, что займётся скамьёй после чаю. Через час он действительно стоял в саду с инструментами, которые нашла миссис Хопкинс, и недоверчиво оглядывал повреждённую ножку.

Кэтрин держала для него гвозди. Роза с Элис ходили вдоль клумб и говорили о знакомых.

– Она на самом деле уже падала? – спросил Чарльз.

– Только под тобой. Ты ведь и сломал её в прошлый раз.

– Я помню, что она качалась ещё до этого.

– Разумеется. Мы много лет готовили ловушку.

Он посмотрел на неё снизу вверх, потом отложил молоток.

– Кэтрин, я хотел…

Она поняла и сразу покачала головой.

– Не нужно.

– Ты даже не знаешь, что я хотел сказать.

– Хотел извиниться за то, что тебе не в чем извиняться передо мной. Разве что ты сам собирался на мне жениться и забыл мне об этом сообщить.

Он смутился.

– Наши матери…

– Действительно об этом говорили. Но я никогда не давала тебе никаких обещаний, а ты мне не делал предложения. Мне жаль, что всё получилось неловко. Теперь это прошло.

Чарльз опустил голову и некоторое время вертел в пальцах гвоздь.

– Я думал, ты не захочешь видеть Элис.

– Мне было приятно с ней познакомиться. Ещё тогда. И приятно видеть вас сейчас.

Он посмотрел туда, где его жена осторожно придерживала ветку, давая Розе рассмотреть раскрывающийся бутон.

– Она добрая, – сказал он негромко.

– Я заметила.

Кэтрин положила оставшиеся гвозди на край скамьи и отошла к женщинам. Через несколько минут Чарльз потребовал, чтобы кто-нибудь испытал починку. Они заставили сесть его самого. Скамья выдержала, и он торжественно предложил считать свою вину искупленной.

Кэтрин смеялась вместе со всеми. Ей было легко рядом с ним – так же легко, как прежде. Она знала его жесты, знала, что перед серьёзной работой он непременно подвернёт рукава слишком высоко, а потом будет сердиться на сползающую ткань. Его руки, широкие и сильные, могли держать её, помогать выйти из экипажа, и мысль об этом ничего в ней не меняла.

Достаточно было вспомнить другую руку, чтобы дыхание стало чуть глубже.

Она повернулась к Элис и спросила, нравится ли ей их сад. Разговор помог отвлечься, но саму разницу уже невозможно было не замечать. За всё время знакомства с Чарльзом ей ни разу не захотелось рассматривать его рот. Она даже удивилась бы, если бы кто-нибудь предложил этим заняться.

После отъезда гостей мать сказала:

– Они, кажется, счастливы.

Кэтрин помогала убрать чашки и ответила не сразу.

– Мне тоже так показалось.

– Я рада, что ты пригласила их.

Мать стояла возле стола, держа пустую сахарницу. Кэтрин подошла, взяла её у неё и поцеловала в щёку. Никаких объяснений больше не понадобилось.

На следующий день пришло письмо от миссис Лэнгли. Хозяйка хотела знать, как прошла дорога, сообщала о разъехавшихся гостях и о том, что Люси обнаружила в своей комнате чужой чулок. Затем следовали пожелания выздоровления от Сесилии и приписка: мистер Редклифф перед отъездом ещё раз спрашивал о Маргарет и просил непременно сообщить, если после дороги ей снова станет дурно.

Кэтрин дочитала письмо и передала матери.

– Как это внимательно с его стороны, – сказала та. – Нужно будет поблагодарить и его, и Сесилию. Ты напишешь Лидии?

– Конечно.

Она села за стол почти сразу. Рассказала о дороге, о самочувствии матери, поблагодарила за книги и лаванду. Отдельно попросила передать благодарность мистеру Редклиффу. Последнее предложение перечитала несколько раз, хотя в нём не было ничего особенного.

Бумага под рукой пахла сухим деревом. За окном Роза смеялась над чем-то, что сказала миссис Хопкинс. Кэтрин слышала шаги матери в гостиной и точно знала: сейчас всё хорошо, никто не нуждается в немедленной помощи, можно спокойно закончить письмо.

Она всё-таки отложила перо.

Эдмунд улыбнулся ей на лестнице. Кэтрин закрыла глаза и попробовала вспомнить лицо как можно точнее. Резкость скул, складку возле щеки, светлую радужку под тёмными ресницами. Ей казалось, что если бы она снова увидела его, то заметила бы ещё десятки подробностей, которые тогда упустила. И хотелось увидеть, как он смотрел бы на неё вблизи, когда говорить уже не обязательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.